

Практически каждая страна, мировая держава в особенности, содержит армию государственных мужей, чиновников, генералов. Их состав определяется штатным расписанием, причем «свято место пусто не бывает». Любители высоких кабинетов пробиваются к власти, играя на карьерных струнах и подстраиваясь к вкусам и целям высшего руководства.

Но бывают исключения, когда индивидуальность и дарование человека настолько очевидны и уникальны, что власть не может без него обойтись. На нашей памяти — Г. К. Жуков, И. В. Курчатова, С. П. Королев и другие выдающиеся соотечественники. Я уверен, Лев Дмитриевич Рябев — из их числа.

Его, уроженца Вологды, воспитанника Московского инженерно-физического института, заметили на удивление быстро. Причем не он

Случалось, стремление Льва Дмитриевича «дойти до самой сути» (с характерной для него настойчивостью и въедливостью) не всегда и не всем нравилось. Из-за этого он не раз становился неудобным для больших начальников, и, бывало, ему «помогали» сменить «географию» и должность. Даже Е. К. Лигачев в бытность свою вторым человеком в партии считал возможным держать Льва Дмитриевича (в те времена сотрудника Оборонного отдела ЦК КПСС) в немилости за проявленную им самостоятельность. Уже тогда Л. Д. Рябев был заметной фигурой.

Жизнь преподносила ему и радостные, и порой очень горькие сюрпризы как руководителю и просто как человеку.

Старт его был уникален. В 50-е гг. работать в Арзамасе-16 отбирали лучших, самых сильных

Слагаемые успеха

Ю. Н. СМЕРНОВ

«делал свою карьеру», а, напротив, на каждом повороте судьбы его природный ум и незаурядные деловые качества оказывались востребованными. Не случайно в тяжелейший для страны черныбыльский год, когда вся атомная тематика могучей державы стала вдруг объектом самых яростных нападков, он, сменив Е. П. Славского, возглавил наше втаптываемое тогда в грязь министерство. Огромная заслуга в ликвидации последствий тяжелейшей техногенной аварии в Чернобыле в значительной мере принадлежит Л. Д. Рябеву, его личному самообладанию, высочайшей профессиональной культуре и эрудиции, выдержке и самоотверженности.

Он первый из молодых специалистов, приехавших по распределению работать в Саров, вырос не только до директора ВНИИЭФ, затем до министра атомного ведомства, но и, наконец, до заместителя Председателя Совета министров СССР. Однако его невероятно быстрый взлет только на первый взгляд кажется феерическим и безоблачным.

студентов-выпускников из основных институтов и университетов страны. В этих условиях молодому специалисту оказаться замеченным было непросто. Однако скоро молодой и очень толковый, целеустремленный старший инженер был избран секретарем партбюро отделения, а затем и вторым секретарем горкома КПСС по науке. Но наука и техника победили: Лев Дмитриевич вернулся во ВНИИЭФ на должность заместителя главного инженера по новой технике. Некоторое время спустя он назначается первым заместителем директора, а затем и директором ВНИИЭФ. На министерские должности в нашем ведомстве Л. Д. Рябев попал уже после работы заведующим сектором в Оборонном отделе ЦК КПСС.

Лев Дмитриевич стал министром атомной отрасли, впитав опыт легендарного Арзамаса-16 — основного «объекта», где было создано отечественное ядерное оружие. В общей сложности он проработал в закрытом Сарове 21 год. Переехав в Москву, Л. Д. Рябев был известен только узкому

кругу людей. Вскоре коллеги по Сарову рассказывали о новом министре: «Будучи человеком величайшей работоспособности, Рябев ставил в «неловкое положение» весь руководящий персонал министерства: приезжал на работу в 7 утра на метро, обедал, отстояв в общей очереди, в столовой министерства», а не на 3-м этаже — для избранных...»

Лев Дмитриевич всегда ровен и внимателен в отношениях с людьми и не делит их на начальников и рядовых посетителей. Когда вы оказываетесь в его кабинете, создается впечатление, что он ждал именно вас и помнит и знает, о чем пойдет речь. Его память уникальна и слово очень весомо. Он никогда не раздает дежурных обещаний, не забывает о своих решениях. Более того, когда результат разговора с ним становится реальностью, он не считает зазорным позвонить и сообщить об этом заинтересованному человеку. Да и сама беседа в кабинете завершается порой абсолютно неожиданно. Как-то, расставаясь, он спросил меня: «А у вас есть это издание?» — «К сожалению, нет». — «Подождите минутку», — он исчез в комнате отдыха и тут же возвратился с книгой. Но вначале сел за стол, чтобы подписать. Среди прочих слов я прочитал: «На добрую память о совместной работе в атомном проекте, с наилучшими пожеланиями...».

Вспоминаю свою очень продолжительную беседу (никак не менее часа!) со Львом Дмитриевичем в начале 90-х, когда из-за сумятицы и чехарды в высших эшелонах власти страны он внезапно оказался не у дел. Теперь он работал в здании нашего министерства, занимая маленькую комнатку на 7-м этаже в главке Г. А. Цыркова. Стол, несколько стульев, доска и вешалка. В этой необычной обстановке и при столь круто переменявшихся обстоятельствах он был невозмутим, вел себя так, как если бы ничего не произошло. Он был спокоен, точен и, как всегда, убедителен. Был приветлив, в хорошем расположении духа. И можно было только догадываться, что творилось в его душе: ведь, как говорится, еще вчера он был заместителем премьера великой державы...

Каждый, кто знает Льва Дмитриевича и общается с ним, видит, что это человек глубокого ума и редкого обаяния, который быстро схватывает суть вопроса. Любая его рекомендация или решение — результат ясного понимания проблемы. К нему всегда тянутся люди. Он принес в атомное ведомство страны новый стиль

и культуру общения, которые разительно отличались от прежних командных распоряжений и нередких окриков, сдобренных крепкими выражениями. Ныне число желающих попасть на прием к нему только возросло. Его рабочий день стал еще плотнее и продолжительнее. И я убежден, что Лев Дмитриевич, которому еще очень многое по плечу, оказался выведенным из полноценной государственной работы явно преждевременно.

Вслед за моим рассказом — краткое, но емкое заключительное слово Льва Дмитриевича, которое он произнес (без какого-либо заготовленного текста!) в день закрытия международной конференции в Лаксенбурге (Австрия) в октябре 1999 г. Конференция собрала ядерщиков, дипломатов и историков, изучающих начальный этап атомной эпохи. Когда слово дали Льву Дмитриевичу, я включил диктофон и не ошибся.

Выступавший был откровенен и убедителен, говоря о победах и неудачах атомной науки и техники, о разочарованиях и надеждах в этой области. Причем он ни на минуту не забывал о простом человеке. Даже сейчас это выступление производит сильное впечатление и, к тому же, отражает проблемы своего времени.

Конференция в значительной мере состоялась благодаря мощному содействию Льва Дмитриевича, который убежден, что подобные встречи специалистов помогают понять уроки, которые уже преподала человечеству атомная эпоха, а также дают возможность предугадать, что ждет нас «там, за горизонтом».

Итак, прислушаемся к доводам человека, который «всей жизнью привязан к ядерно-оружейному комплексу и к ядерной энергии». Прислушаемся к нашему юбиляру.

СМИРНОВ Юрий Николаевич —
ведущий научный сотрудник
РНЦ «Курчатовский институт»,
канд. физ.-мат. наук